

Содержание

Часть V. Март 1346 года — декабрь 1348 года	3
Часть VI. Январь 1349 года — январь 1351 года	296
Часть VII. Март — октябрь 1361 года	597

ЧАСТЬ V

Март 1346 года — декабрь 1348 года

43

Сестра Керис вышла во дворик женской половины и решительно направилась в госпиталь. Там ее ожидали трое больных. Одряхлевшая Старушка Юлия уже не могла ходить на службы и подниматься по лестнице в дормиторий. Белла, невестка Дикапивовара, оправлялась после трудных родов, а тринадцатилетний Рикки Силверс сломал руку, и ему вправил ее Мэтью-цирюльник. У стены на лавке сидели и болтали о чем-то послушница Нелли и монастырский служка Боб.

Керис обвела госпиталь наметанным взглядом. Рядом с каждым тюфяком стояли грязные обеденные тарелки, хотя время обеда давно миновало.

— Боб! — позвала она. — Унеси тарелки. Мы же в монастыре, чистота — наша добродетель. Шевелись!

Служка вскочил.

— Прости, сестра.

— Нелли, ты водила Старушку Юлию в отхожее место?

— Еще нет, сестра.

— Ей всегда нужно после обеда. Так же было у моей матери. Быстро отведи ее, куда она не оконфузилась.

Нелли принялась поднимать старую монахиню.

Керис развивала в себе терпение, но даже после семи лет монашества в этом не преуспела и всякий

4 раз досадовала, когда приходилось вновь и вновь делать одни и те же замечания. Боб отлично знал, что тарелки нужно уносить сразу после обеда, — Керис часто говорила ему об этом. А Нелли вполне осведомлена о нуждах Юлианы. Но все-таки они сидели и сплетничали, пока Керис не застала их врасплох.

Она взяла таз с водой для мытья рук и пересекла помещение, чтобы вылить эту воду наружу. У стены здания незнакомый мужчина справлял малую нужду. Она решила, что это путник, надеющийся заночевать в монастыре.

— В следующий раз воспользуйтесь отхожим местом за конюшнями, — строго сказала Керис.

Мужчина ухмыльнулся, не подумав спрятать свое достоинство.

— А ты кто такая? — дерзко спросил он.

— Я руковожу этим госпиталем. Коли желаете получить ночлег, вам придется заняться своими манерами.

— А, командирша. — Он неторопливо стряхнул последние капли.

— Немедленно спрячьте ваше жалкое хозяйство, иначе вам не разрешат остаться в этом городе, не говоря уже об аббатстве.

Керис выплеснула таз, метя мужчине в пах. Чужак отпрыгнул, но на штаны все равно попало.

Она вернулась внутрь и наполнила таз чистой водой из фонтана. Под аббатством была проложена труба, по которой чистая речная вода — ее брали выше города по течению — поступала в фонтаны во двориках, на кухнях и в госпитале. Особое ответвление подземного водовода промывало отхожие места. «Однажды, — подумала Керис, — будет построено новое отхожее место, рядом с госпиталем, чтобы престарелым больным вроде Юлианы не приходилось таскаться далеко».

Чужак вошел внутрь следом за нею.

— Помойте руки, — велела она, протягивая ему таз.

Он помедлил, но принял посудину.

Керис оглядела его. На вид, пожалуй, ее ровесник, а ей двадцать девять.

— Вы кто?

— Гилберт из Херефорда, паломник. Пришел поклониться мощам святого Адольфа.

— В таком случае можете остаться на ночь в госпитале при условии, что будете почтительно обращаться ко мне и ко всем остальным.

— Да, сестра.

Керис возвратилась во двор. Стоял теплый весенний день, солнце отражалось от гладких древних каменных поверхностей. В западной галерее сестра Мэйр разучивала с ученицами женской школы новый гимн, и Керис остановилась послушать. Люди говорили, что Мэйр похожа на ангела, со своей светлой кожей, ясными глазами и губами, что выгибались подобно луку. Считалось, кстати, что школой тоже заведует Керис: она отвечала за всех гостей монастыря, за любого, кто приходил к монахиням из мира за монастырскими стенами. В эту школу она ходила и сама почти двадцать лет назад.

Сейчас здесь учились десять девочек в возрасте от девяти до пятнадцати лет — несколько дочерей кингсбриджских купцов и дети знати. Гимн, где говорилось, что Господь добр и щедр, допели, и одна из девочек спросила:

— Сестра Мэйр, если Бог добрый, почему он позволил умереть моим родителям?

Детские уста задали тот самый вопрос, который рано или поздно задает себе всякий юнец, если у него в голове достаточно мозгов: почему на свете столько зла? Керис и сама не раз спрашивала себя об этом. Она пригляделась к девочке. Тилли Ширинг, племян-

6 ница графа Роланда, двенадцатилетняя непе-
седа, давно пришлась Керис по душе. Ее мать
истекла кровью, рожая дочь, а отец вскоре сломал
себе шею на охоте, после чего девочку взял на вос-
питание граф.

Мэйр дала уклончивый ответ о неисповедимых
путях Господних. Тилли явно осталась разочарован-
ной, однако не смогла придумать, как правильно
возразить, и умолкла. Но Керис не сомневалась, что
девочка непременно задаст свой вопрос снова.

Мэйр велела ученицам повторить гимн, а сама
подошла к Керис.

— Умная девочка, — сказала та.

— Лучшая в классе. Через год-два начнет спо-
рить по любому поводу.

— Она кого-то мне напоминает. — Керис нахму-
рилась. — Какой была ее мать?

Мэйр слегка коснулась руки Керис. Монахиням
запрещались такие выражения привязанности, но
Керис смотрела сквозь пальцы на нарушение подоб-
ных запретов.

— Она напоминает тебя, — объяснила Мэйр.

Керис рассмеялась.

— Я никогда не была пригожей.

Впрочем, Мэйр была права: Керис задавала ще-
котливые вопросы с малолетства. Позже, сделав-
шись послушницей, она принималась спорить на
каждом уроке богословия. Всего через неделю мать
Сесилия велела ей помалкивать на занятиях. Затем
Керис стала нарушать монастырские правила, а в от-
вет на увещевания ставила под сомнение обоснова-
нность монашеского уложения. Настоятельнице сно-
ва пришлось призвать ее к молчанию.

В скором времени мать Сесилия предложила ей
делку. Керис позволялось проводить бóльшую часть
времени в госпитале — эту часть монашеской жизни
она одобряла — и пропускать службы при необходи-

мости. Взамен она соглашалась мириться с дисциплиной и держать свои богословские воззрения при себе. Керис приняла сделку неохотно, но мать Сесилия проявила мудрость, и в итоге все остались довольны. Договоренность соблюдалась по сей день, поскольку Керис теперь надзирала за госпиталем и почти не отвлекалась на что-либо еще. Она пропускала больше половины служб, но редко говорила или делала что-то, что могло вызвать неодобрение других монахинь.

Мэйр улыбнулась:

— Теперь ты красивая. Особенно когда смеешься.

Керис на мгновение словно утонула в синих глазах монахини. Тут раздался детский крик.

Она обернулась. Крик доносился вовсе не со двора, а из госпиталя. Керис поспешила в крохотный приемный покой. Кузнец Кристофер держал на руках девочку лет восьми, свою дочку Минни. Девочка кричала от боли.

— Положи ее на тюфяк.

Кристофер подчинился.

— Что случилось?

Верзила-кузнец заговорил визгливо, вне себя от страха:

— Споткнулась у меня в мастерской, упала рукой на раскаленное железо. Сделай что-нибудь, сестра, прошу тебя! Ей так больно!

Керис погладила девочку по щеке.

— Ну-ну, Минни, скоро боль пройдет. — Она решила, что вытяжка из маковых зерен будет слишком сильным средством: чего доброго, убьет ребенка. Нужно что-то помягче. — Нелли, ступай в мою аптеку и принеси кувшин, на котором написано «Настой конопли». Поторопись, но не беги. Если споткнешься и разобьешь кувшин, мне понадобится несколько часов, чтобы приготовить все заново.

8   Нелли ушла, а Керис осмотрела руку Минни.

Ожог выглядел жутко, но, по счастью, все обошлось только рукой, ничего похожего на страшные ожоги по всему телу, как случалось при пожарах. По предплечью пузырились отвратительные волдыри, кожа сошла, обнажив потемневшую плоть.

Керис огляделась, прикидывая, кого попросить о помощи, и увидела Мэйр.

— Будь добра, принеси с кухни полпинты вина и столько же оливкового масла в двух разных сосудах. Нагрей то и другое, чтобы было теплым, но не горячим.

Мэйр ушла.

Керис заговорила с девочкой:

— Минни, постарайся больше не кричать. Знаю, тебе очень больно, но послушай меня. Я дам тебе лекарство. Оно снимет боль.

Крики несколько поутихли и перешли во всхлипывания.

Нелли принесла конопляный настой. Керис нацедила жидкость в ложку, просунула в разинутый ротик Минни и зажала девочке нос. Минни проглотила настой, опять закричала, но через минуту начала успокаиваться.

— Дай чистое полотенце, — велела Керис, обращаясь к Нелли. Полотенца в госпитале требовались постоянно, и по распоряжению Керис за алтарем поставили шкаф, где всегда имелся запас свежих.

С кухни вернулась Мэйр с маслом и вином. Керис расстелила полотенце на полу возле тюфяка Минни и переложила на него обгоревшую руку девочки.

— Ну как, полегче?

— Больно, — прохныкала Минни.

Керис удовлетворенно кивнула. Первое вразумительное слово от малышки. Значит, худшее позади.

Минни между тем стала клевать носом 9
под действием настоя.

— Сейчас я кое-чем смажу твою ручку, чтобы ее вылечить. Постарайся лежать спокойно, хорошо?

Минни кивнула.

На запястье, где кожу опалило несильно, Керис вылила немного теплого вина. Девочка вздрогнула, но руку не отдернула. Ободренная Керис медленно повела струю выше, промывая вином самые обожженные места. Затем полила сверху оливковым маслом, которое успокаивало зуд и защищало плоть от дурных соков, разлитых в воздухе. Затем взяла свежее полотенце и обернула в него руку девочки, чтобы мухи не садились на раны.

Минни по-прежнему стонала, но уже почти спала. Керис озабоченно всмотрелась в ее лицо, покрасневшее от страданий. Хорошо, что не бледное, — это означало бы, что доза настоя слишком велика.

Керис всегда волновалась из-за лекарств. Их сила менялась при изготовлении каждой новой порции, и не было надежного способа ее измерить. Чрезмерно слабое снадобье не действовало, чрезмерно сильное могло быть опасным. Особенно Керис боялась причинить вред детям, пускай даже их родители вечно требовали сильнодействующих средств, теряя разум при виде детских страданий.

Вошел брат Иосиф. Он успел состариться — готовился вот-вот разменять седьмой десяток — и растерял все зубы, но по-прежнему считался лучшим врачом аббатства. Кузнец Кристофер тут же вскочил и воскликнул:

— О, брат Иосиф, хвала небесам, вы пришли! У моей дочки страшные ожоги.

— Давайте посмотрим.

Керис отступила, подавив раздражение. Все считали, что монахи — могучие целители, способные творить чудеса, а монахини годятся лишь на то, что-

10 бы кормить больных и прибирать за ними.

Она давно перестала прилюдно возмущаться таким отношением, но оно ей до сих пор досаждало.

Иосиф снял полотенце, осмотрел руку девочки, пощупал пальцами обгорелую плоть. Минни заскулила в забытьи, вызванном действием лекарства.

— Ожог сильный, но не смертельный. — Иосиф повернулся к Керис. — Приготовьте припарку из трех частей куриного жира, трех частей козьего помета и одной части белого свинца* и приложите к ожогу. Она выведет гной.

— Хорошо, брат.

Керис сомневалась в полезности припарок. Она замечала, что многие ранения благополучно заживают без выведения гноя, пускай монахи и полагали избавление от гноя необходимым условием исцеления. По ее наблюдениям, раны под такими припарками порою наоборот загнивали сильнее. Но монахи с нею не соглашались — кроме брата Томаса, который был убежден, что потерял руку почти двадцать лет назад из-за припарки, прописанной приором Антонием. Однако и на этом поле брани Керис тоже уступила. Лечение монахов опиралось на предписания Гиппократ и Галена, древних светил медицины, и все были уверены, что те не могли ошибаться.

Иосиф ушел. Керис удостоверилась, что Минни удобно и что ее отец немного успокоился.

— Когда она проснется, то захочет пить. Побойтесь, чтобы питья было в достатке. Подойдет слабый эль или разбавленное вино.

Керис не торопилась делать припарку. Пусть Господь несколько часов занимается раной без по-

---

* Алхимическое средство, белый порошок, который получали окислением свинца в уксусе. Рецепт приготовления этого средства содержался в «Малом алхимическом своде» Альберта Великого, одного из учителей католической церкви.

сторонней помощи, а уж потом можно подумать о распоряжении Иосифа. Монах ведь вряд ли соберется проведать больную. Керис послала Нелли за козым пометом на лужайку перед собором, а сама направилась в свою аптеку.

Та примыкала к мужской монастырской библиотеке. К сожалению, в этом помещении не было больших окон, как в соседней комнате. Аптека была крохотной и темной. Впрочем, там имелся рабочий столик, несколько полок для кувшинов и флаконов и небольшой очаг для подогрева лекарств.

В шкафу Керис хранила тонкую книжку для записей. Пергамент был дорог, а кипы листов одинакового размера использовались только для переписывания священных текстов, но Керис сумела набрать достаточно обрезков самых разных форм и сшила их вместе. В книжку она заносила сведения о каждом больном, чей случай был серьезным; записывала дату, имя больного, признаки хвори и назначенные лекарства, а позднее добавляла итоги лечения, всегда точно помечая, сколько часов или дней прошло с тех пор, как больному стало лучше или хуже. Она частенько просматривала свои записи, освежая память и проверяя, насколько полезными оказались те или иные средства.

Когда Керис вписывала возраст Минни, ей пришлось в голову, что, не прими она тогда настой Мэйти-знахарки, ее дочке тоже исполнилось бы восемь. Почему-то она была уверена, что у нее непременно родилась бы девочка. Как бы она себя повела, если бы что-то такое случилось с ее ребенком? Способна ли она была хладнокровно заняться лечением? Или билась бы в приступе страха, как кузнец Кристофер?

Едва она закончила заполнять страницу, как прозвонил колокол к вечерне, и Керис отправилась на службу. Потом наступило время ужина. Далее

12 монахиням полагалось поспать перед утреней в три часа ночи.

Керис не стала ложиться, вернулась в аптеку приготовить припарку. Она ничего не имела против козьего помета — всякий работавший в госпитале видывал вещи и похуже, — но гадала, с чего Иосиф взял, что помет помогает при ожогах.

В любом случае с припаркой придется подождать до утра. Минни — крепкая девочка, к тому времени ей наверняка станет лучше.

Прервав труды Керис, вошла Мэйр.

Керис вопросительно посмотрела на нее.

— Что тебе нужно? Почему ты не спишь?

Мэйр встала рядом, у рабочего столика.

— Пришла тебе помочь.

— С припаркой ни к чему возиться двоим. А что сказала сестра Наталия?

Помощница настоятельницы Наталия отвечала за дисциплину; никто не имел права без ее разрешения выходить ночью из дормитория.

— Она крепко спит. Ты вправду думаешь, что некрасивая?

— Ты встала с постели, чтобы спросить меня об этом?

— Мерфин бы с тобою не согласился.

Керис улыбнулась:

— Да уж.

— Скупаешь по нему?

Керис перестала смешивать припарку и отвернулась, чтобы вымыть руки в тазу.

— Я думаю о нем каждый день, — ответила она. — Он теперь самый богатый зодчий во Флоренции.

— Откуда ты знаешь?

— Буонавентура Кароли рассказывает, когда приезжает на шерстяную ярмарку.

— А Мерфин о тебе спрашивает?